

Татарская Дарья Александровна

КОНЦЕПТ "СЕРДЦЕ" ("КОКОРО") В ТРАДИЦИОННОЙ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена философско-культурологическому анализу концепта "кокоро" ("сердце") в традиционной японской культуре, выполненному на материале классических памятников искусства, поэзии и литературы. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что понятие "кокоро" в традиционной японской культуре рассматривалось не только как эмоциональное содержание произведения, но и имело глубокие онтологический и гносеологический смыслы, являясь символом всеобщей связанности вещей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 1. С. 170-173. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

16. Катин-Ярцев М. Ю. (с дополнениями С. В. Думина и Ю. К. Чиковани) Князя Андрониковы и Эндрониковы (Андроникашвили) // Дворянские роды Российской империи / авт.-сост.: С. Думин, Ю. Чиковани, П. Гребельский, М. Катин-Ярцев, А. Шумков. М., 1998. Т. 4.
17. Колотило М. Н. Толстовский дом. Квартира князя-чекиста: альбом-монография / под науч. ред. д. филол. н. Н. И. Крайневой. СПб., 2013. 64 с.
18. Кольшко И. И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. 464 с.
19. Левитов И. С. Первый шаг России в борьбе с экономическим немецким засильем // Голос России. 1916. № 1. С. 7-8.
20. Мосолов А. А. При дворе последнего императора / под ред. С. И. Лукомской. СПб., 1992. 261 с.
21. Последний временщик последнего царя // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 90-103.
22. Размолодин М. Л. Черносотенцы и националисты начала XX века об источнике властных прерогатив самодержавия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (10). Ч. 1. С. 141-145.
23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 40. Сд. оп. 194/2682.
24. РГИА. Ф. 691. Оп. 1.
25. РГИА. Ф. 797. Оп. 84. 1 отделение, 1 стол.
26. РГИА. Ф. 1617. Оп. 1.
27. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Ф. 654. Оп. 5.
28. С. Князь М. М. Андроников // Утро России. 1917. 6 февраля.
29. Стогов Д. И. Салон князя М. М. Андроникова и система власти Российской империи // Клио. 2006. № 3 (34). С. 127-132.
30. [Ушаков М. А.] К истории манифеста 17 октября. Воспоминания о беседе с великим князем / с предисл. В. И. Невского // Красный архив. М. – Пг., 1923. Т. 4. С. 411-417.
31. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 1695. Оп. 2.
32. Akifumi S. Who Should Manage the Water of the Amu Darya? Controversy over Irrigation Concessions between Russia and Khiva, 1913-1914 // Explorations in the Social History of Modern Central Asia (19th – Early 20th Century) / ed. by Paolo Sartori. Leiden – Boston, 2013. P. 111-136.

COMMERCIAL ACTIVITY OF THE PRINCE M. M. ANDRONIKOV

Stogov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in History
Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"
bel-grigorij@yandex.ru

The article examines commercial activity of the famous state and public figure of the beginning of the XX century, organizer of Petrograd right-wing monarchic salon Prince M. M. Andronikov. For the first time in historiography special attention is paid to the Prince's socio-economic views. The author shows that M. M. Andronikov carried out his "commercial ventures" with the help of influential persons in the government and at court and concludes on failure of virtually all of his commercial projects.

Key words and phrases: The Russian Empire; The First World War; right-wing monarchic salon; society; The State Council; The State Duma; The Council of Ministers.

УДК 130.2

Философские науки

Статья посвящена философско-культурологическому анализу концепта «кокоро» («сердце») в традиционной японской культуре, выполненному на материале классических памятников искусства, поэзии и литературы. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что понятие «кокоро» в традиционной японской культуре рассматривалось не только как эмоциональное содержание произведения, но и имело глубокие онтологический и гносеологический смыслы, являясь символом всеобщей связанности вещей.

Ключевые слова и фразы: философия культуры; философско-культурологический анализ; концепт; японская культура; красота; эстетика; кокоро; тама; Дао; сердце; душа.

Татарская Дарья Александровна

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
lerelin@lerelin.ru

КОНЦЕПТ «СЕРДЦЕ» («КОКОРО») В ТРАДИЦИОННОЙ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Понятие «сердце» представляло и представляет интерес для людей разных культур в различные исторические эпохи. Думается, хорошо известные его интерпретации, описанные на материале античности, русской (да и западной) традиции, уместно дополнить анализом своеобразной точки зрения, свойственной

восточной традиции. Японская культура с этой стороны выглядит привлекательно прежде всего потому, что бережно хранит и вместе с тем устойчиво транслирует смыслы, роль которых в копилке мирового культурного наследия трудно переоценить.

Философско-культурологический анализ концепта «кокоро» в японской культуре позволяет при фиксации должного внимания на лексико-языковой стороне концепта рассматривать его как объект философии во всей полноте его аксиологических, онтологических и гносеологических смыслов. Объектом философии, по выражению польского философа Сигизмунда Кржижановского, является «всё как таковое» [12], поэтому задачей философско-культурологического анализа является исследование концепта так, как будто всё и есть проявление этого самого концепта. При этом конечной целью данного анализа является целостное представление обо всей области культуры.

Межкультурная коммуникация, возникающая при столкновении двух культур и распространяющаяся не только на официальные, но и на неформальные контакты и взаимодействия, диктует необходимость уточнить в максимально сбалансированном виде возможные интерпретации культурных констант, а также стоящие за ними «этностереотипы поведения» [16, с. 49-50], равно как и попытки демонтажа этих стереотипов [17]. При этом «вертикальное» (диахронное) и «горизонтальное» (синхронное) сопоставление различных по своей фактуре культур, несущих в себе «живую архаику» [19, р. 43], в том числе русской и японской, имеет значение не только для «чистого знания» гуманитарной науки, но и для решения сугубо практических задач. В этом случае знание культурных констант представителя противоположной культуры становится прочной платформой для налаживания межкультурных и межгосударственных взаимоотношений.

Понятное каждому японцу слово 心 («кокоро») не имеет однозначного толкования в русском языке. Его переводят по-разному: не только «сердце», но и «душа», «сознание», «центр». Но прежде чем приступить к извлечению философского смысла концепта, необходимо отметить, что философия в японской культуре никогда не отделялась от других видов художественного творчества. А трактат о поэзии или каком-либо ином виде искусства приравнивался по статусу к философскому сочинению. Н. Г. Анарина – известный исследователь японского театра «Но» – пишет, что «искусство в Японии должно было быть глубоко идейно не в плане обслуживания какой-либо практической идеи, но в плане духовном. Предмет искусства, философии и религии был един – это жизнь духа (при всем различии итогов этих отраслей деятельности)» [7, с. 67]. Кроме того, нелюбовь японцев к абстрактному философствованию и практически полное отсутствие каких-либо определений того, что же такое «кокоро», приводит нас к необходимости обращения к корпусу текстов (трактатов) о японской художественной традиции, которые и составляют «культурный код нации».

Изначально японские философско-религиозная и эстетическая традиции складывались, находясь под сильным влиянием китайских учений в виде буддийских, даосских и конфуцианских трактатов, которые начали проникать в Японию с VI в. Они оказали огромное влияние на становление традиционной японской культуры и изначально воспринимались в комплексе, как единое целое. Центральным понятием сложившейся традиции стало понятие 道 «Дао» (яп. *до*:). Не случайно этот иероглиф входит в состав практически всех видов японского традиционного искусства: 茶道 *тядо*: «путь чая», 花道 *кадо*: «путь цветов», 書道 *сёдо*: «путь кисти», 武道 *будо*: «путь оружия» и т.п.

Что же такое 道 «Дао»? В рамках китайской философии, для которой понятие 道 «Дао» является одним из определяющих, сложилось несколько подходов к интерпретации данного термина. Основываясь на спектре этих подходов, «Дао» переводится на русский язык в том числе как «подход», «график», «функция», «метод», «закономерность», «принцип», «учение», «мораль», «Абсолют» и др. [10, с. 90].

Конфуций, определяя «Дао», говорил прежде всего о его «человеческих» ипостасях, конкретизируя его в таких понятиях, как: «сыновья почтительность» и «братская любовь» (*сяо ти*), «верность и великодушие» (*чжун ши*), «золотое правило морали» и «гуманность» (*жэнь*) [Там же, с. 90-91]. В «Лунь Юе» «Дао» – это благой ход общественных событий и человеческой жизни, зависящий как от предопределения (*мин*), так и от усердия отдельной личности. Его носителем выступают и индивид, и государство, и все человечество (Поднебесная).

Оппозиционная конфуцианской теории «Дао» была развита в даосизме. Ее отличительной особенностью был упор на «небесную», а не «человеческую» ипостась «Дао». Первое, на чем настаивали сторонники данной теории, опираясь на одну из главных книг даосизма «Дао дэ цзин», – это принципиальная невыразимость «Дао» словами: Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао [13, с. 1]. В концепции даосизма «Дао» осмысливается как некий универсальный Закон, объединяющий все вещи и все явления в единое существование. Согласно даосизму, все вещи рождаются и изменяются благодаря собственному «пути» – «Дао». В мире нет неизменных вещей, и в процессе изменения они все переходят в свою противоположность. Человек должен следовать естественности вещей, отказавшись от «мудрствования» – интеллектуальной словесной игры, уводящей в бесконечное конструирование пустых абстракций.

Пожалуй, не будет большим преувеличением утверждать, что именно даосы оказали на японскую традицию в трактовке «Дао» определяющее влияние [6, с. 301]. Е. Л. Скворцова пишет: «Главным источником творческого процесса и целью искусства японская художественная традиция объявляла Дао – непередаваемую в конечной форме, но ощутимую “подложку Бытия”, проходящую сквозь тело и разум художника-медиума» [18]. Постичь бесформенный путь «Дао» мог только мудрец, обладающий особым, телесно-ментально-сенситивным органом прозрения – 心 «кокоро» (сердце). Можно спорить о том, насколько «бесформенный путь» вообще может быть «подложкой», субстанцией, но его определяющая роль в структуре

мироздания, безусловно, соответствует философскому вопрошанию о «что» мира, и с этой точки зрения, при определенных поправках, такая мудрость вполне соизмерима древнегреческой «филии к софии».

Самые первые сведения о 心 «кокоро» мы находим уже в ранних японских трактатах о поэзии. В частности, «кокоро» – лейтмотив поэзии вака. Называя «кокоро» «важнейшей категорией средневековой поэтики» [8, с. 134], известный исследователь средневековой японской поэзии Л. М. Ермакова выделяет следующие его интерпретации: 1) суть стихотворения, разгадка; 2) тайна мироздания, воля божества; 3) сердцевина стихотворения, его эмоциональная сущность. В поэтических текстах 心 «кокоро» сходно с понятием 魂 «тама», которое также может переводиться как «душа». Однако, в отличие от 心 «кокоро», 魂 «тама» человека может отсоединиться и отлетать, для удержания её в теле требуются специальные обряды. Напротив, 心 «кокоро» – это такая душа человека, которая является его «неотъемлемым, «не утрачиваемым свойством в виде сознания, постижения, опыта» [5, с. 32]. Кроме того, обладание сердцем являлось неотъемлемой характеристикой человека или божества [8, с. 144].

Фудзивара но Кинто – один из придворных поэтов эпохи Хэйан (X-XI вв.), давая наставления о том, как нужно слагать *вака*, пишет: «У песни душа (*кокоро*) должна быть глубокой, а облик (*сугата*) чистым и ясным. Таковую песню можно назвать прекрасной (*сугурэтариута*). <...> Если трудно преуспеть в гармонии души песни и ее облика, то надо прежде всего позаботиться о душе» [1, с. 50]. Под «глубокой душой» здесь подразумевается эмоциональная насыщенность песни, поскольку в эпоху Хэйан особое значение придавалось умению чувствовать красоту окружающего мира и способности ее выражать. Сугата – чистота поэтического языка. Создатели трактатов писали даже о необходимости «избытка чувств» (*амари но кокоро*): «Высшая ступень, высшая степень – это песни, в которых слово прекрасно и есть избыток чувства, – писал поэт Фудзивара-но Кинто.

Рассвет...
В тумане утреннем
Акасской бухты
Плывет ладья, меж островами
прячься, –
Ей вслед задумчиво смотрю...»

(Ки-но-Цураюки «Кокинвакасю» № 409) [Там же, с. 59].

Поэзия, как считали японцы, должна пробуждать стремление к Красоте, поскольку красота для японцев, как и для Платона («Красота, которая есть излучение и сияние благостной истины») (Платон, Пир 206 b-c) [15]), и есть Истина [14]. А истину можно познать только интуитивно, сердцем. («*Дао, которое может быть выражено словами, не есть истинное Дао*».)

Но 心 «кокоро» рассматривалось не только как лирическое, эмоциональное содержание песни. Оно являлось знаком всеобщей связанности вещей. «“Если у Вселенной одно сердце, значит, каждое сердце – Вселенная”, – вспоминает Кавабата изречение старца Сёо, проповедника “Учения о сердце” (Сингаку, XVIII в.)» [Цит. по: 4].

Согласно японской традиции, даже самые обыденные вещи могут иметь 心 «душу». И у всего в мире она одна и та же: 心 «кокоро» цветка имеет такую же ценность, что и 心 «кокоро» человека. Отсюда происходит сакральная связь «вещь» – «кокоро» – «Вселенная». Если во мне такое же 心 «кокоро», как и в этом конкретном предмете, то, проникнув в суть 心 «кокоро» вещи, я могу прикоснуться к незримой глубине невыразимого словами Дао: «Именно через вещь происходит для японца самое близкое и органичное общение с прошлым, с древностью, приобщение к Единому, к Дао, ибо вещь наделена для него и “языком”, и “душой”, и “духом”, причем без догматической связи с каким-то одним вероучением, но в целостном, живом мировосприятии», – пишут создатели сборника «Вещь в японской культуре» [2, с. 4]. Даже при самом поверхностном взгляде здесь можно проследить перекличку с идеями герменевтики и «философии жизни» В. Дильтея, акцентирующего в поэтическом творчестве «энергию переживания» и «вживание».

Воспитание «кокоро» происходит через воспитание через отношение к вещи. Возможно, поэтому ни в какой другой культуре, кроме как в японской, не встретишь того заботливо-трогательного отношения к предметам (догу) искусства и обихода. Исследователь японского чайного действия В. П. Мазурик пишет: «К чашке относятся как к живому человеку: ей дают имя и внимательно следят за ее биографией, записывая ее на стенках ларцов, в которых она хранится, предварительно завернутая в особые сорта шелка» [Цит. по: Там же, с. 137]. Японский философ, создатель религиозного движения «Сингаку» («постижение сердца») Исида Байган (1685-1744) писал: «Достигая правильного взаимоотношения с окружающими вещами, человек может также перенести этот опыт на взаимоотношения с окружающими» [9, с. 129-130].

Анализируя трактат об актерском искусстве Дзэами Мотокиё «Предание о цветке стиля» (*Фуси кадэн*), Н. Г. Анарина подчеркивает, что создатель учения бесконечно предан понятию 心 «кокоро». Это проявляется, например, в частоте словоупотребления: уже только на протяжении объемного «Трактата» автор употребляет его 21 раз: «В своем отношении к слову “сердце” Дзэами полностью созвучен и японской и мировой поэзии, религиозно-философской традиции древности и средневековья, согласно которым постигает, усматривает и созерцает вовсе не только интеллект» [7, с. 66].

Итак, специфика японской культуры, рассмотренная на материале памятников искусства, поэзии и литературы, показывает присутствие в ней установки на трактовку «кокоро» в качестве живого сосредоточения,

пронизывающего собой все уровни бытия и обеспечивающего единство человека, вещи и мироздания. Как следствие, бережное отношение к вещам, их персонификация, объективирующая содержание данного понятия, может считаться базовым свойством японской картины мира и непреходящей коммуникативной ценностью. Этические конвенции, вытекающие из подобного мировоззрения, требуют строгого соблюдения принципа уважения не только к одушевленным предметам, но и к неодушевленным вещам. Знание причин такого отношения, их исторических экспликаций и современных проекций позволит более обдуманно строить систему общения между представителями русской и японской культур.

Список источников

1. **Боронина И. А.** Девять ступеней вака. Японские поэты об искусстве поэзии. М.: Наука, 2006. 438 с.
2. **Вещь в японской культуре:** сб. ст. / сост. Н. Г. Анарина, Е. М. Дьяконова. М.: Восточная литература, 2002. 262 с.
3. **Вышеславцев Б. П.** Вечное в русской философии. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 302 с.
4. **Григорьева Т.** Путь японской культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/8/grig-pr.html> (дата обращения: 15.04.2017).
5. **Гуревич Т. М.** Лингвокультурологический анализ концептосферы «человек» в японской языковой картине мира: автореф. дисс. ... д. культурологии / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ). М., 2006. 48 с.
6. **Гуревич Т. М.** Неговорение в японском дискурсе // Восток – Запад: историко-литературный альманах: 2003-2004. М., 2005. С. 299-306.
7. **Дзэами Мотокиё.** Предание о цветке стиля (Фуси кадэн), или Предание о цветке (кадэнсё) / пер. со старояп. Н. Г. Анарина. М.: Наука, 1989. 200 с.
8. **Ермакова Л. М.** «Душа слова», «сердце» и «имена вещей» в раннеяпонской словесности // Эстетика бытия и эстетика текста в культурах средневекового Востока: сб. ст. / под ред. В. И. Брагинского. М.: Восточная литература, 1995. 285 с.
9. **Карелова Л. Б.** Учение Исиды Байгана о постижении «сердца» и становление трудовой этики в Японии. М.: Восточная литература, 2007. 318 с.
10. **Китайская философия:** энциклопедический словарь / под ред. М. Титаренко. М.: Мысль, 1994. 573 с.
11. **Конфуций.** Лунь Юй. Классическое конфуцианство: в 2-х т. / пер. с кит. А. Мартынова, И. Зографа. М.: Олма-Пресс, 2000. Т. 1. 384 с.
12. **Кржижановский С. Д.** Философема о театре [Электронный ресурс]. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/04/krzhizhan04.shtml> (дата обращения: 17.04.2017).
13. **Лао-Цзы.** Дао дэ цзин. М.: Азбука, 2014. 144 с.
14. **Матвеев В. А.** Специфика японского понимания истины (макото) и феномен истинного сердца (магокоро) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 3. С. 145-150.
15. **Сергеев К. А., Толстенко А. М.** Философия Платона: греческая мудрость в ее эросном измерении [Электронный ресурс]. URL: <http://www.plato.spbu.ru/АКАДЕМИА/akademia1/01.htm> (дата обращения: 21.04.2017).
16. **Силантьева М. В.** Коммуникация как способ трансляции интенционального опыта локальных культур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2016. Т. 5. № 4. С. 49-55.
17. **Силантьева М. В.** Методология изучения реконструкции коммуникативного стереотипа в условиях непрямого диалога культур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 2. № 2 (3). С. 4-8.
18. **Скворцова Е. Л.** Художественная традиция и первые шаги теоретической эстетики в Японии [Электронный ресурс] // NB: Филологические исследования. 2013. № 2. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_74.html (дата обращения: 17.04.2017).
19. **Silantieva M. V.** Archaic Mythology Motives in Art of “Modern Period” and “New Time”: “Snow” Paintings by Lucas van Valckenborch and Contemporary Serbian Primitives // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives: The 1st International Symposium Proceedings (December 18, 2013). Vienna: “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education, GmbH, 2013. Vol. 1. P. 42-50.

**CONCEPT “HEART” (“KOKORO”) IN TRADITIONAL JAPANESE CULTURE:
PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL ANALYSIS**

Tatarskaya Dar'ya Aleksandrovna
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
lerelin@lerelin.ru

The article is devoted to the philosophical and culturological analysis of the concept “kokoro” (“heart”) in traditional Japanese culture conducted by the material of classical monuments of art, poetry and literature. As a result of the study the author comes to the conclusion that the concept “kokoro” in Japanese traditional culture was considered not only as emotional content of the work, but had deep ontological and epistemological meanings as a symbol of universal connectedness of things.

Key words and phrases: philosophy of culture; philosophical and culturological analysis; concept; Japanese culture; beauty; aesthetics; kokoro; tama; Tao; heart; soul.